также, что не следует слишком полагаться на участие Владимира Мономаха в обмене культурными ценностями между Киевом и Сазавой (имею в виду не только реликвии, но и памятники письменности, например, Реймское евангелие). Нет необходимости противопоставлять князей и монахов: ведь в свите Владимира Мономаха были также представители киевского клира, и, наоборот, печерское посольство не могло отправиться на Сазаву без княжеского согласия. Главное — инициатива в культурных связях, которую едва ли можно приписывать только особе князя.

Вернемся теперь к тексту сравниваемых памятников. Бесспорная заслуга Н. К. Никольского состоит в том, что он обратил внимание на идеологический аспект ПВЛ и особенно «Сказания о преложении книг». Одна из наиболее примечательных фраз этого «Сказания» гласит: «...яже грамота есть въ Руси и въ Булгарехъ Дунайскыхъ». Именно ее Н. К. Никольский положил в основу суждений о «славянофильской» ориентации автора. В. М. Истрин, выступивший против подобного истолкования, считает, что здесь скорее «русофильская», чем «славянофильская» ориентация. В. М. Истрин еще раз подчеркнул, что представление о кровном родстве отдельных славянских племен отступает в ПВЛ на задний план, что для автора важнее всего общность письма, затем веры. Я согласен с В. М. Истриным в этом последнем пункте, однако полагаю, что мысль Н. К. Никольского о «славянофильской» ориентации редактора ПВЛ правильнее, чем объяснение В. М. Истрина.

Дело Константина, славянское письмо и славянский литературный, т. е. в данной исторической ситуации богослужебный, язык были главным рычагом славянского сознания. Этот естественный взгляд встречаем и в научной литературе. Можно процитировать, например, характерную формулировку Каз. Будзыка: «Они (Кирилл и Мефодий, — *О. К.*) ввели богослужение на славянском языке... Новая религия стала фактором, организующим национальное самосознание славян».[53] Распространение славянского обряда и богослужения стало процессом, объединяющим отдельные славянские народы. Очаги славянской литературы были опорными пунктами постепенно укрепляющегося сознания славянской взаимности. Новые и новые области включались в орбиту славянского культурного единства в результате деятельности этих центров литературной активности. Эти центры определяют отдельные этапы процесса, протекавшего на протяжении многих столетий: Великая Моравия — в IX в., Болгария — в X в., войтеховская Чехия — в последнем десятилетии того же века, киевский центр — при Ярославе Мудром, Сазавский монастырь — во второй половине XI в., Киево-Печерская лавра — в эпоху Нестора, на рубеже XI—XII вв.

Н. К. Никольский явно ошибался, считая епископа Войтеха проводником латинского, антиславянского курса, Киево-Печерский монастырь начала XI в. — оплотом «грекофильских» тенденций и отыскивая очаг «славянофильской» идеологии в кирилло-мефодиевской эпохе. Рассуждая в 5-й главе своей работы об исторических условиях, в которых могла бы зародиться теория славянского единства, Н. К. Никольский связывает возникновение этой теории с существованием славянских государств с объединительными тенденциями. Он рассматривает четыре попытки создания славянского государственного союза: в эпоху Само (1), моравского князя Сватоплука (2), чешских Болеславов (3), Болеслава Храброго (4). Наиболее благоприятными, по его мнению, были условия, возникшие при

[53] Kaz. Budzyk. Szkice i materialy do dziejów literatury staropolskiej. Warszawa, 1955, стр. 12.